

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-425-438

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: В ПОПЫТКЕ ИЗБЕЖАТЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ PATH DEPENDENCE

А.А. Кинякин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется проблема развития процессов региональной интеграции и формирования интеграционных объединений на постсоветском пространстве. В последнее десятилетие одним из наиболее динамично развивающихся региональных интеграционных проектов является «евразийский проект», связанный с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В настоящее время данная интеграционная структура является еще не до конца «оперившейся», что приводит к ряду проблем. Одной из основных является подверженность влиянию прежних интеграционных практик, неоднократно приводивших к замедлению интеграционной динамики и снижению эффективности интеграционных процессов, а также уменьшению роли интеграционных структур на постсоветском пространстве. В целях предотвращения этого ЕАЭС необходимо стремиться максимально повысить эффективность своей деятельности на основе выбора приемлемой модели интеграционного развития, выработки четкой интеграционной стратегии и правильного применения механизмов интеграционного сотрудничества.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, постсоветское пространство, экономическая интеграция, интеграционная модель, интеграционное сотрудничество, path dependence

Создание и запуск в начале 2015 года Евразийского экономического союза (ЕАЭС) открыло новую главу в истории региональной интеграции на постсоветском пространстве. Оно стало закономерным итогом не только планомерного развития «евразийского проекта», но и процессов регионализации на постсоветском пространстве, которые берут свое начало еще в начале 1990-х. При этом создание ЕАЭС качественно изменило характер интеграционных процессов. Это связано не только с переходом на более высокий уровень, или ступень «интеграционной лестницы» (создание экономического союза)¹, но и изменением направленности — постепенным движением от экстенсивной (broader) к интенсивной (deeper) модели интеграции. Во многом это способствует как повышению эффективности функционирования интеграционных механизмов, так и интеграционного сотрудничества в целом.

В первую очередь это отражается на деятельности интеграционных объединений, которые начинают играть более заметную роль в политико-экономических процессах, превращаясь в значимых региональных акторов. К числу таковых в настоящее время, безусловно, относится и Евразийский экономический союз.

¹ Термин, соответствующий теории экономической интеграции, предложенной Б. Балашша.

Однако недолгий опыт функционирования ЕАЭС как интеграционного объединения показывает, что, несмотря на то, что он является качественно новой интеграционной структурой, он не вполне свободен от «родовых пятен» постсоветской интеграции.

В частности, речь идет о подверженности риску влияния прежних интеграционных практик, ранее неоднократно приводивших к преждевременному «сворачиванию» интеграционных проектов.

Иными словами, в отношении ЕАЭС в настоящее время просматривается риск попадания в так называемую интеграционную «колею зависимости», или постсоветскую интеграционную path dependence.

Впервые термин «path dependence», который на русский следует скорее перевести как «эффект колеи», появился в середине 1980-х в трудах западных экономистов, рассматривавших процесс внедрения и применения новых промышленных технологий и зависимости от уже существующих технологических институтов.

Впоследствии возникшая благодаря трудам прежде всего неoinституционалистов (в частности, Д. Норт) концепция path dependence нашла активное применение не только в экономике, но и других социальных науках (социологии, политической науке) при анализе деятельности различных акторов и институтов на основе сложившихся практик.

В настоящее время существует два основных концептуальных подхода применительно к path dependence — «широкий» и «узкий» [17. Р. 205].

«Широкий» постулирует важность исторического развития (“history matters”), а саму path dependence рассматривает как определенную «заданность» вследствие действия исторических факторов (“locked-in by historical events”) [11. Р. 120—121].

«Узкий» подход предполагает, что, несмотря на наличие «наследственности», ее влияние на текущие процессы не имеет решающего значения. В результате path dependence рассматривается не как предопределенность, а всего лишь как некое обстоятельство, оказывающее воздействие, которое не носит непреодолимого характера [17. Р. 206].

В рамках обоих подходов сложилось несколько направлений анализа path dependence на основе различных теоретических школ.

С точки зрения системного анализа «колея зависимости» объясняется наличием доминирующих подсистем, нацеленных на воспроизводство существующих коллективных моделей поведения [15. Р. 234].

По мнению представителей неoinституционального подхода, path dependence связана с особенностями взаимодействия формальных и неформальных общественных институтов [19. Р. 147—148].

С точки зрения инкрементализма, path dependence обусловлена последовательностью любых изменений, постепенной эволюцией общественных процессов, институтов, что предполагает наличие определенной временной зависимости [14. Р. 135].

Сетевой подход объясняет path dependence наличием сложившихся форм и механизмов взаимодействия, а также устойчивых организационных структур, что в конечном счете оказывает влияние на процесс функционирования [12. Р. 265].

Наконец, с точки зрения рационального подхода, path dependence представляет одну из форм рационального человеческого поведения, в основе которой лежит достижение приемлемого гарантированного результата при наиболее оптимальных затратах [18. Р. 523].

Несмотря на многообразие теоретических подходов к «колее зависимости», фактически все исследователи сходятся в одном — path dependence представляет собой определенную зависимость от прошлого опыта, так или иначе оказывающего влияние на текущее состояние.

В настоящее время существует несколько типологий path dependence. Наиболее известной является типологизация, предложенная С. Либовицем и С. Марголисом, в основе которой лежит критерий эффективности. В соответствии с ней принято выделять три основных типа, или уровня path dependence — верхний (первостепенный), средний (второстепенный) и нижний (третьестепенный). Верхний уровень (first-degree) предполагает наличие определенной «зависимости от прошлого», что, впрочем, не оказывает существенного влияния на динамику и направленность текущих процессов.

Средний уровень (second-degree) path dependence связан с четкими кросстемпоральными связями между процессами и/или явлениями настоящего и прошлого, что приводит к определенным последствиям, носящим заданный и необратимый характер.

Наконец, нижний уровень (third-degree) предполагает определенную заданность процессов и явлений, а также наступление определенных последствий, которые, тем не менее, носят вполне обратимый характер [17. Р. 206—207].

Именно наличие разноуровневой системы позволяет рассматривать path dependence применительно к различным общественным процессам, в том числе социокультурным и политико-экономическим.

Не в последнюю очередь это относится к процессам региональной интеграции и регионализации. В данном случае path dependence можно рассматривать как зависимость текущего интеграционного взаимодействия от сложившихся ранее практик.

Конкретным примером в данном случае может выступать постсоветское пространство, где с начала 1990-х годов было запущено немало региональных интеграционных проектов. Содружество независимых государств (СНГ), Союзное государство России и Беларуси, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Единое экономическое пространство, Таможенный союз — вот лишь неполный список интеграционных объединений, которые были в свое время запущены в целях активизации интеграционного сотрудничества между бывшими союзными республиками и которые показали различную степень эффективности.

В последнем случае во многом это явилось следствием влияния фактора следования сложившимся интеграционным практикам, которые далеко не всегда были эффективны, а порой и вовсе оказывали негативный эффект на интеграционное сотрудничество.

Именно это в конечном счете и лежит в основе постсоветской интеграционной path dependence, которая может быть описана как проявление интеграционной

дисфункции, характеризующейся снижением динамики и эффективности интеграционных процессов, а также деградацией интеграционных механизмов вследствие действия негативных факторов.

В числе таковых можно выделить не только эндогенные (различия в масштабах и структуре экономики, разный уровень развития политических и экономических институтов, неравномерность социально-экономического развития), но и эндогенные (влияние «внешней среды» — действия эксрегиональных игроков) факторы.

Анализ интеграционных проектов на постсоветском пространстве и в первую очередь интеграционных объединений позволяет выделить следующие характеристики постсоветской интеграционной path dependence.

1. *Гетерогенность региональных акторов в плане экономического и политического развития.* Различия в масштабах и структуре национальных экономик, а также специфика политических систем государств, участвующих в интеграционных процессах, являются объективным препятствием для реализации интеграционного сотрудничества.

2. *Политическая мотивированность и направленность интеграционных процессов.* Доминирование политических факторов интеграционного сотрудничества, в значительной степени определяющих сущность интеграционных процессов, существенным образом снижает эффективность интеграционного сотрудничества, не давая в полной мере реализовать интеграционный потенциал.

3. *Несбалансированность модели интеграционного взаимодействия.* Отсутствие четко проработанной модели или наличие нескольких конкурирующих моделей интеграционного взаимодействия способствует «распылению» ресурсов, и в конечном счете негативно сказывается на эффективности интеграционного сотрудничества.

4. *Отсутствие четкой стратегии интеграционного сотрудничества.* Во многом это является следствием как несбалансированности интеграционной модели, так и отсутствия единого подхода к развитию интеграционного сотрудничества вследствие гетерогенности интересов участников интеграционных процессов.

5. *Неэффективность действий национальных и наднациональных структур по реализации интеграционного сотрудничества.* Основными причинами этого являются отсутствие политической воли, а также наличие «конфликта интересов» между участниками интеграционного сотрудничества, что препятствует передаче полномочий на наднациональный уровень и в конечном счете способствует снижению эффективности наднациональных интеграционных механизмов/структур.

Как показывает практика, данные характеристики в той или иной мере были присущи всем интеграционным проектам, которые с начала 1990-х годов запускались на постсоветском пространстве в целях реализации интеграционного сотрудничества.

Причем в первую очередь влияние path dependence характерно для деятельности интеграционных объединений.

В качестве примера можно привести два постсоветских интеграционных объединения — Содружество независимых государств (СНГ) и Союзное государство России и Беларуси.

Созданное в 1991 году в качестве варианта «цивилизованного развода» после распада СССР и являющееся до сих пор самым крупным интеграционным образованием на постсоветском пространстве, СНГ изначально было призвано стать своеобразным «универсальным» интеграционным проектом, объединив в себе функции как экономической, так и политической интеграции [7. С. 129—130]².

Однако попытки реализации потенциала, связанного с интеграционным сотрудничеством на основе данной структуры, оказывались раз от разу малоуспешными.

В первую очередь это касается экономической интеграции. Выдвинутая в 1993 году инициатива формирования Экономического союза СНГ, предполагавшая последовательное прохождение основных этапов экономической интеграции — создание зоны свободной торговли (ЗСТ), формирование таможенного, платежного и валютного союза, запуск общего рынка товаров, услуг и капиталов — в 1990-е годы не нашла должного воплощения.

Подписанный в сентябре 1993 года главами стран СНГ договор о создании Экономического союза, по сути, так и остался на бумаге, поскольку не был ратифицирован основными государствами-подписантами³.

Созданный на основе него в 1994 году Межгосударственный экономический комитет (МЭК), формально наделенный рядом надгосударственных функций (в частности, контрольными), изначально был обречен на то, чтобы не играть сколько-либо заметной роли в процессах экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Основными причинами неудач в реализации интеграционного проекта на основе СНГ являлось не только отсутствие должной политической воли, но и преобладание центробежных тенденций и дезинтеграционных процессов на фоне сохраняющихся опасений ряда постсоветских государств относительно возможности утраты суверенитета.

Позднее к этому добавилось появление «спойлеров» — формирование альтернативных интеграционных образований различных постсоветских стран. Причем некоторые из них носили не столько внешний, сколько внутренний характер (к примеру, Организация за демократию и экономическое развитие (ГУ(У)АМ))⁴.

В конечном счете к идее создания ЗСТ в рамках СНГ вернулись только в конце 1990-х годов. При этом прошло еще без малого полтора десятка лет, прежде чем она была реализована: в 2012 году на основе принятого странами — членами СНГ

² Содружество Независимых Государств было утверждено 8 декабря 1991 года на основе подписанного Россией, Беларуссией и Украиной «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» (СНГ)», которое денонсировало «Договор образовании СССР» от 29 декабря 1922 г.

³ Всего он был ратифицирован только 6 государствами, но в их числе не было ни России, ни Украины, ни Беларуси.

⁴ Аббревиатура ГУ(У)АМ составлена из первых букв, входящих в организацию государств, — Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдовы. (Узбекистан являлся членом организации с 1997 по 2005 гг.).

межгосударственного договора зона свободной торговли в рамках Содружества независимых государств начала функционировать [7. С. 126]⁵.

Однако к тому времени момент уже был упущен — СНГ еще в начале 2000-х годов практически полностью утратило интеграционную динамику на фоне усиления действия как внутренних (рост противоречий внутри организации, приведшее к выходу ряда стран-членов), так внешних (активное развитие «евразийского проекта») негативных факторов постепенно деградировав в чисто формальную интеграционную структуру, которой и является в настоящее время.

Конкретным примером снижения интеграционной динамики может служить количество принимаемых решений Советом глав государств и Советом глав правительств СНГ — высшими органами организации. Если в период с 1992—2008 гг. ежегодное количество принимаемых решений составляло в среднем 30 и 50 соответственно, то в 2009—2017 гг. аналогичный показатель составил 15 и 30 соответственно. При этом следует отметить, что в отношении органов власти СНГ (в первую очередь Совета глав правительств) наблюдается четко выраженная тенденция к уменьшению количества рабочих встреч, что также свидетельствует о снижении интеграционной динамики [8].

Иная ситуация с другим интеграционным проектом на постсоветском пространстве — Союзным государством России и Белоруссии. Запущенное в 1999 году как проект двусторонней (билатеральной) интеграции оно было призвано стать примером успешного интеграционного проекта, включающего в себя как политическую, так и экономическую составляющие.

Однако политическая часть, предполагавшая формирование единого парламента и подписания конституционного акта, по сути, так не была реализована ввиду изначально обозначившихся противоречий между российским и белорусским руководством относительно политической конфигурации нового Союзного государства [1].

Что касается экономической части, то она была реализована не полностью. В частности, Россией и Белоруссией было создано общее экономическое пространство, включающее свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Но идея создания валютного союза (введения единой валюты) так и не нашла должного применения.

Более того, начиная с середины 2000-х годов между Россией и Белоруссией регулярно возникают различного рода экономические споры (главным образом затрагивающие сферу энергетики), что затрудняет текущее интеграционное сотрудничество между ними и делает неясными перспективы его дальнейшего развития [9. С. 73], причем не только в рамках Союзного государства, которое формально по-прежнему существует, однако в значительной мере утратило интеграционную динамику, но и других интеграционных проектов.

⁵ При этом в процессе функционирования она столкнулась и сталкивается с множеством трудностей. Одними из наиболее заметных являются «торговые войны» между Россией и Молдовой и исключения из ЗСТ Украины в 2016 году.

К числу таковых в первую очередь относится Евразийский экономический союз.

«Евразийский проект», идея которого зародилась еще в середине 1990-х годов и который довольно успешно начал реализовываться в 2000-х годах, является качественно новым типом интеграционного объединения не только в силу того, что представляет предпоследний этап экономической интеграции, но и того, что является достаточно «гибкой» интеграционной структурой⁶. Во многом именно эта «гибкость», а также стремление реализовывать интеграционный потенциал позволяет сохранять интеграционную динамику.

Судить об этом можно по тому, что за два года функционирования ЕАЭС страны-члены успели продвинуться далеко вперед по различным направлениям интеграционного сотрудничества⁷.

При этом важными моментами, связанными с деятельностью Евразийского экономического союза, является переход от экстенсивной к интенсивной модели развития, направленной на повышение эффективности деятельности объединения [16. Р. 477].

Последнее является немаловажным не только в плане гармоничного развития ЕАЭС как интеграционной структуры, а также повышения его привлекательности в глазах потенциальных партнеров, но и преодоления внутренних противоречий, являющихся одной из важных характеристик постсоветской интеграционной path dependence.

При этом, как уже было упомянуто выше, в настоящее время в отношении Евразийского экономического союза просматриваются определенные риски падения в «колею зависимости». Будучи еще не до конца «оперившейся» интеграционной структурой, ЕАЭС испытывает на себе воздействие не только основных, но ряда дополнительных негативных факторов.

В числе таковых следует отметить усиление геополитической напряженности между «основным локомотивом» евразийской интеграции — Россией и коллективным Западом в связи с украинским кризисом.

Последний во многом стал не только тестом на устойчивость ЕАЭС как интеграционного объединения ввиду усилившихся опасений со стороны Казахстана и Беларуси относительно внешнеполитического курса России, но и катализатором, четко обозначившим «конфликтный потенциал» внутри Союза⁸.

Основная линия внутреннего конфликта связана с истинными целями создания и функционирования объединения. Еще на стадии обсуждения договора о создании ЕАЭС Казахстан и Белоруссия в 2013 году четко отстаивали идею

⁶ Во многом это позволяет рассматривать ЕАЭС как структуру так называемого «нового регионализма».

⁷ В первую очередь, речь идет о торговых отношениях. В апреле 2017 года был принят разработанный на протяжении ряда лет Таможенный кодекс ЕАЭС, в котором были определены основные принципы общей таможенной политики.

⁸ Особенно после проведения референдума в Крыму с последующим вхождением в состав РФ, а также введения российскими властями продовольственного эмбарго на поставки продукции из стран ЕС, которое не было поддержано другими странами — членами ЕАЭС.

о том, что новое интеграционное образование будет чисто экономическим, в то время как Россия предлагала вариант «смешанной» (политико-экономической) интеграции.

В 2013—2014 годах опасения относительно преобладания «геополитической направленности» ЕАЭС (в то время Таможенного Союза) заметно усилились ввиду разразившегося украинского кризиса, в котором фактор евразийского интеграционного проекта сыграл далеко не последнюю роль [13. Р. 2—3]⁹.

При этом данный «конфликт интересов» обусловлен тем, что у стран-членов изначально присутствовало разное понимание и видение ЕАЭС как интеграционного объединения. Если для Казахстана, Беларуси, а также Кыргызстана ЕАЭС это исключительно экономический проект, то для России и Армении он имеет также и политическое измерение [20. Р. 20—22].

При этом, как показывает практика, в деятельности Союза политические аспекты зачастую превалируют над экономической логикой, что порождает определенные трения внутри ЕАЭС и способствует снижению интеграционного сотрудничества.

Конкретный пример — российские продовольственные антисанкции, вызвавшие обострение внутренних противоречий в организации в связи с проблемой реэкспорта и приведшие к снижению взаимного оборота между странами — членами Союза.

Другим примером являются так называемые «энергетические» (поставки нефти и газа) и «продовольственные» (поставки определенных товарных групп) «войны» между Россией и Белоруссией, имеющие не столько экономическую, сколько политическую природу [14].

Одной из причин увеличения «конфликтного потенциала» в рамках ЕАЭС является отсутствие единой модели интеграционного сотрудничества¹⁰.

На данный момент Евразийский экономический союз развивается на основе сразу нескольких моделей интеграционного сотрудничества — модели совместного развития системообразующих для всех стран объединения отраслей эконо-

⁹ Речь идет о ситуации «или—или». В конце 2013 года Украина оказалась поставлена перед жестким выбором — либо подписывать Соглашение об ассоциации с ЕС, либо становиться членом Таможенного Союза.

¹⁰ В настоящее время принято выделять несколько моделей интеграционного сотрудничества:

- 1) совместное развитие системообразующих для всех стран объединения отраслей экономики;
- 2) развитие отраслей, представляющих интерес для всех стран интеграционного объединения;
- 3) совместное развитие взаимодополняемых отраслей национальных экономик;
- 4) совместное развитие отраслей с использованием конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения;
- 5) развитие отраслей специализации на основе конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения;
- 6) совместное развитие импортозамещающих отраслей;
- 7) совместное развитие инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли [2. С. 9—17].

мики, модели совместного развития отраслей с использованием конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения, модели совместного развития импортозамещающих отраслей, а также модели совместного развития инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли.

Во многом это обусловлено не только спецификой экономического развития стран — членов ЕАЭС, но и не до конца проработанной стратегией интеграционного взаимодействия [16. Р. 472].

Подобная «многовариантность» не всегда дает нужный синергетический эффект. Более того, «распыленность» ЕАЭС препятствует поиску общей стратегии интеграционного развития, приводит к перекосам в развитии (наглядный пример — финансовый сектор, где уровень интеграции в настоящее время минимален), снижению инвестиционной активности. А самое главное — все это способствует ухудшению имиджа Евразийского экономического союза как интеграционного образования в глазах существующих и потенциальных партнеров (к примеру, того же Китая), предпочитающих выстраивать диалог на двусторонней основе с конкретными странами-членами, минуя само интеграционное образование [4].

Во многом подобное отношение к ЕАЭС как к чему-то «малозначительному» и «временному» со стороны внешних партнеров не только препятствует более активному развитию Евразийского экономического союза как регионального и экс-регионального актора (в частности, создания ЗСТ со странами АТЭС), но и создает угрозу усиления центробежных тенденций внутри интеграционного образования.

В настоящее время подобные риски просматриваются в отношении таких стран, как Белоруссия и Армения [3].

Усиление центробежных тенденций неизбежно ведет к потере интеграционной динамики, снижению эффективности интеграционного сотрудничества и последующей деградации интеграционных механизмов. Фактически это означает неминуемое попадание в постсоветскую «колею зависимости».

В целях избегания этого руководству Евразийского экономического союза, как и руководству стран-членов (на уровне Высшего евразийского экономического совета) следует предпринять ряд важных шагов.

Во-первых, следует четко определиться с общей моделью интеграционного сотрудничества, что в конечном счете «снимет» внутренний «конфликт интересов».

Исходя из целей, которые изначально закладывались в евразийский интеграционный проект, а также тенденций развития последнего времени (в частности, начала реализации проекта «сопряжения» Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Экономический пояс шелкового пути»), в качестве наиболее целесообразной модели интеграционного взаимодействия представляется модель совместного развития инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли.

При этом важной составляющей ее реализации должно стать активное наращивание инвестиций в инфраструктуру (причем не только в транспортную) стран — членов ЕАЭС за счет использования как внутренних, так и внешних источников финансирования.

Во многом это позволит повысить эффективность деятельности Евразийского экономического союза. Причем не только внутри, но и вовне, в частности, будет способствовать более активному созданию ЗСТ с национальными и наднациональными акторами из числа национальных государств и региональных объединений.

Следует отметить, что использование модели совместного развития инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли вовсе не означает, что ЕАЭС должен полностью отказаться от других моделей интеграционного взаимодействия (например, модели совместного развития системообразующих для всех стран-членов отраслей экономики или модели совместного развития отраслей с использованием конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения).

Речь идет о том, чтобы достигнуть своеобразного интеграционного «кумулятивного эффекта» путем развития в рамках одной (основной) модели, используя другие в качестве вспомогательных и в том объеме, чтобы они помогали лучшей реализации основной модели, а также способствовали раскрытию сильных сторон экономик стран — членов ЕАЭС.

Также это вовсе не исключает возможности более активного использования других моделей интеграционного сотрудничества в будущем или перехода на принципиально новую модель интеграционного сотрудничества на основе использования накопленных в процессе реализации текущей модели ресурсов.

Во многом это позволит ЕАЭС не только повысить эффективность своей деятельности, но и «вписаться» в новую систему мирохозяйственных отношений и международного разделения труда.

Вторым важным шагом преодоления постсоветской интеграционной path dependence является выработка новой стратегии интеграционного взаимодействия на основе доминирующей модели.

В настоящее время основным стратегическим документом, на основе которого осуществляется развитие ЕАЭС, является «Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года». В нем основная ставка сделана на использование модели развития отраслей специализации на основе конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения [5].

К их числу в первую очередь относится топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Это может свидетельствовать о том, что в основе модели развития Евразийского экономического союза в свою очередь лежит ресурсно-сырьевая модель экономического развития.

Однако следует отметить, что ТЭК является важным сектором экономики всего для двух стран — членов ЕАЭС — России и Казахстана, являющихся производителями энергоносителей. Другие же страны — участницы Евразийского экономического союза (Белоруссия, Армения, Кыргызстан) выступают в качестве потребителей углеводородов [6]. Во многом это приводит не только к делению интеграционного объединения на «ядро» и «периферию» в энергетическом и шире

в экономическом смысле, но и усиливает противоречия внутри ЕАЭС, выражающихся в «торговых войнах».

Между тем переход к модели совместного развития инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли и выработке на ее основе новой общей стратегии, направленной на активное развитие прежде всего внешнеторгового потенциала ЕАЭС (к примеру, путем создания транспортных коридоров и логистических цепочек), используя выгодное географическое положение, позволило бы не только гармонизировать отношения внутри интеграционного образования, но и способствовать экономической диверсификации (постепенному отходу от «сырьевой зависимости»).

Следует особо отметить, что новая стратегия должна включать в себя определенный набор релевантных механизмов интеграционного взаимодействия.

Во многом именно с этим связан третий шаг преодоления постсоветской интеграционной *path dependence* — эффективное применение инструментов интеграционного сотрудничества.

Среди таковых — разработка механизмов финансирования проектов, имеющих интеграционный эффект, реализация совместных программ при помощи существующих (к примеру, Евразийский банк развития) и вновь создаваемых институтов развития, а также активное применение инструментов государственно-частного партнерства (ГЧП).

Последнее предполагает более активное вовлечение бизнес-сообществ стран — членов ЕАЭС в деятельность интеграционного объединения, а также в процессы региональной интеграции в целом.

Во многом это будет способствовать не только повышению эффективности деятельности как национальных, так и наднациональных структур, но и позволит значительно повысить инвестиционную активность. Особенно в тех секторах, в которых в настоящее время наблюдается относительно низкая интеграция (к примеру, в том же финансовом секторе).

Но самое главное — реализация обозначенных шагов позволит Евразийскому экономическому союзу выработать систему «общих ценностей», что в значительной мере будет способствовать «снятию» «конфликта интересов», а также приведет к повышению эффективности интеграционного сотрудничества за счет углубления интеграционных процессов.

Таким образом, это станет не просто удачным решением проблемы постсоветской интеграционной *path dependence*, но и ляжет в основу новых интеграционных практик на пространстве бывшего СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аверьянов-Менский К.В.* Союзное государство России и Белоруссии или евразийская интеграция? URL: <http://www.publicdiplomacy.su/2015/07/21/soyuznoe-gosudarstvo-rossii-i-belorussii-ili-evraziyskaya-integratsiya/>.
- [2] Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных образований мира. М., 2014.

- [3] Вопрос о выходе Армении из ЕАЭС вынесут на заседание парламента // РИА «Новости», 20.09.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170929/1505852895.html>.
- [4] *Габуев А.А.* Пересопряжение от успехов // Ведомости. 15.06.2015 (#4095). URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/15/645351-peresopryazhenie-ot-uspehov>.
- [5] Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года. Евразийская экономическая комиссия. М., 2015. URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economy/Prognoz/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%20\(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F\).pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economy/Prognoz/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%20(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F).pdf).
- [6] Евразийская экономическая интеграция — 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. URL: https://eabr.org/upload/iblock/518/EDB-Centre_2017_Report-43_EEI_RUS.pdf.
- [7] *Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С.* 25 лет СНГ и евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и перспективы // Экономическая наука Современной России. 2017. № 2 (77).
- [8] Интернет-портал СНГ. URL: <http://www.e-cis.info/index.php?id=17>.
- [9] *Суздальцев А.И.* Сменит ли Евразийский экономический союз Союзное государство Белоруссии и России? // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 8. С. 71—75.
- [10] *Фалыхов Р.* Белорусы дают визами на газ // Газета.ру. 17.02.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/16/10528313.shtml>.
- [11] Arthur B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Path Dependence. Lock-in, and History 225 Events', 99 // Economic Journal. 1989. P. 116—131.
- [12] *Chou D., Shy O.* Network Effects without Network Externalities // 8 International Journal of Industrial Organization. 1990. P. 259—270.
- [13] *Dragneva-Lewers R., Wolczuk K.* Trade and geopolitics: should the EU engage with the Eurasian Economic Union? European Policy Centre. Policy Brief. 2 April 2015. URL: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_5462_trade_and_geopolitics.pdf.
- [14] *Hathaway O.* Path Dependence in the Law: The Course and Pattern of Legal Change in a Common Law System. John M. Olin Center for Studies in Law, Economics and Public Policy Working Papers. Paper 2003. P. 100—165.
- [15] *Hodgson G.* Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics. Polity Press, Cambridge and University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1998.
- [16] *Kinyakin A.* The Eurasian Economic Union: between co-existence, confrontation and cooperation with the EU // Rosznik Integracji Europejskiej. 2016. Vol. 10. P. 461—480.
- [17] *Liebowitz S., Margolis S.* Path Dependence, Lock-in, and History // Journal of Law, Economics, & Organization. 1995. Vol. 11. No. 1. P. 205—226.
- [18] *Mahoney J.* Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. 2000. Vol. 29. No. 4 (Aug., 2000). P. 507—548.
- [19] *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1996.
- [20] *Popescu N.* Eurasian Economic Union: The Real, The Imaginary, The likely. Chaillot Papers. EU Institute for Security Studies. September 2014.

EURASIAN ECONOMIC UNION: TRYING TO ESCAPE THE POST-SOVIET INTEGRATION PATH DEPENDANCE

A.A. Kinyakin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article analyzes the issue of development of regional integration processes and formation of integration structures within post-Soviet space. Within the last decade one of the most dynamically evolving regional integration project is so called the “Eurasian project”? connected with the creation of Eurasian economic union (EAEU). At the moment this integration structure is not a full-fledged one and is susceptible to a number of specific risks. One of the major one is dependence on the deep-rooted “bad integration practices”, or post-Soviet integration path dependence. Previously it led to slowdown of integration dynamics, decrease of effectiveness as well as decay of integration structures. In order to escape it, the EAEU should strive to increase its effectiveness on the basic of selecting valid integration model, working out straightforward integration strategy and proper usage of mechanisms of integration cooperation.

Key words: Eurasian Economic Union, post-soviet space, economic integration, integration model, integration cooperation, path dependence

REFERENCES

- [1] Aver'yanov-Menskij K.V. Soyuznoe gosudarstvo Rossii i Belorussii ili evrazijskaya integraciya? Available from: <http://www.publicdiplomacy.su/2015/07/21/soyuznoe-gosudarstvo-rossii-i-belorussii-ili-evrazijskaya-integratsiya/> (in Russ.).
- [2] Analiz strategij integracionnogo sotrudnichestva (modelej realizacii integracionnogo potenciala) naibolee izvestnyh integracionnyh obrazovanij mira. Evrazijskaya ehkonomicheskaya komissiya. M., 2014 (in Russ.).
- [3] Gabuev A. Peresopryazhenie ot uspekhov // *Vedomosti*, 15.06.2015 (#4095). Available from: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/15/645351-peresopryazhenie-ot-uspehov> (in Russ.).
- [4] Dolgosrochnyj prognoz ehkonomicheskogo razvitiya Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza do 2030 goda. Evrazijskaya ehkonomicheskaya komissiya. M., 2015. Available from: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economyPrognoz/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%20\(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F\).pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economyPrognoz/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%20(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F).pdf) (in Russ.).
- [5] Evrazijskaya ehkonomicheskaya integraciya — 2017. SPb.: CII EABR, 2017. Available from: https://eabr.org/upload/iblock/518/EDB-Centre_2017_Report-43_EEI_RUS.pdf (in Russ.).
- [6] Internet-portal SNG. Available from: <http://www.e-cis.info/index.php?id=17> (in Russ.).
- [7] Suzdal'cev A. I. Smenit li Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz Soyuznoe gosudarstvo Belorussii i Rossii? // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. № 8. S. 71—75. (in Russ.).
- [8] Vopros o vyhode Armenii iz EAEHS vynesut na zasedanie parlamenta // *RIA «Novosti»*. 20.09.2017. Available from: <https://ria.ru/world/20170929/1505852895.html> (in Russ.).

- [9] Ziyadullaev N.S, Ziyadullaev U.S. 25 let SNG i evrazijskie integracionnye proekty: ozhidaniya, razocharovaniya i perspektivy. *Ekonomicheskaya nauka Sovremennoj Rossii*, 2017, № 2 (77) (in Russ).
- [10] Arthur B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Path Dependence. Lock-in, and History 225 Events'. *99 Economic Journal*. 1989. P. 116—131.
- [11] Chou D., Shy O. Network Effects without Network Externalities. *8 International Journal of Industrial Organization*. 1990. P. 259—270.
- [12] Dragneva-Lewers R., Wolczuk K. Trade and geopolitics: should the EU engage with the Eurasian Economic Union? *European Policy Centre*. Policy Brief. 2 April 2015. Available from: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_5462_trade_and_geopolitics.pdf.
- [13] Falyahov R. Belorusy davyat vizami na gaz // *Gazeta.ru*. 17.02.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/16/10528313.shtml> (in Russ).
- [14] Hathaway O. *Path Dependence in the Law: The Course and Pattern of Legal Change in a Common Law System*. John M. Olin Center for Studies in Law, Economics and Public Policy Working Papers. Paper 2003. P. 100—165.
- [15] Hodgson G. *Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics*. Polity Press, Cambridge and University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1998.
- [16] Kinyakin A. The Eurasian Economic Union: between co-existence, confrontation and cooperation with the EU // *Rosznik Integracji Europejskiej*. 2016. Vol. 10. P. 461—480.
- [17] Liebowitz S., Margolis S. Path Dependence, Lock-in, and History. *Journal of Law, Economics, & Organization*, 1995. Vol. 11. No. 1. P. 205—226.
- [18] Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology. *Theory and Society*. Vol. 29. No. 4. (Aug., 2000). P. 507—548.
- [19] North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press. 1996.
- [20] Popescu N. *Eurasian Economic Union: The Real, The Imaginary, The Likely*. Chaillot Papers. EU Institute for Security Studies. September 2014.

@ Кинякин А.А., 2017

Сведения об авторе:

Кинякин Андрей Алексеевич — доцент кафедры сравнительной политологии, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат политических наук (e-mail: kinyakin_aa@pfur.ru)